

УДК 008:930.85

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ СОВЕТСКИХ КРЕСТЬЯН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Н.Л. Лопатина

Предполагается, что лояльность крестьян к власти была связана не с толерантностью народа, а с репрессивной политикой и жестким подавлением любого рода недовольства и сопротивления.

Ключевые слова: толерантность; традиции; власть; крестьяне; страх.

**THE TOLERANCE OF THE SOVIET PEASANTS IN THE FIRST HALF
OF THE 20TH CENTURY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON**

N.L. Lopatina

It is supposed that the loyalty of peasants to the authority was not caused by people tolerance and repressive policy and tough suppression of any kind of dissatisfaction and resistance.

Keywords: tolerance; tradition; authority; peasants; fear.

Толерантность членов социума имеет социокультурное основание. Терпимость по отношению к особенностям разных народов возможна при социально-политической, культурной самодостаточности общества. Следует помнить, что толерантность не подразумевает отказ от своих интересов, убеждений, принятия чуждого мировоззрения и образа жизни. Бердяев Н.А. писал: «Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории» [1, с. 11]. «Есть мятежность, непокорность в русской душе... Славянский бунт – пламенная, огненная стихия, неведомая другим расам... Россия – страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности» [1, с. 17–18].

Дуализм российской ментальности связан с социокультурными обстоятельствами. Видимо, не стоит преувеличивать лояльность и покорность нашего народа. Пока не затрагиваются интересы россиянина, он может сосуществовать с разными сообществами, религиями, чудачествами властей. При нарушении аксиологических оснований социума российский народ проявлял свою активность: восстания Болотникова, Разина, Пугачева и др.; противостояние старообрядцев, стрельцкие бунты, победы в войнах. Надо полагать, что покорность не способствует расширению границ страны. Ис-

следуя крестьянские бунты в России, Р. Пайпс утверждал, что крестьянам любая власть чужда по своей природе [2, с. 201]. Здесь, видимо, следует иметь в виду, что крестьяне не признавали какой-либо власти в силу своей самодостаточности. Даже в период крепостничества община решала все насущные вопросы деревни. Каждый домохозяин имел свое веское слово вплоть до права veto. Община через старосту и управляющего выступала посредником между крестьянином и помещиком или государством. Помещик не вмешивался в сельскохозяйственные вопросы крестьян. Годами крестьянин (кроме барщинных) мог не общаться со своим баринком. Имея защиту в виде общины, даже крепостной помещичий крестьянин (не говоря уж об удельном или казенном) чувствовал свою значимость и не испытывал раболепия ни перед баринком, ни перед кем бы то ни было. Поэтому когда П.А. Столыпин ликвидировал общину как экономический институт, община оставалась носителем культурных традиций предков.

Не вдаваясь глубоко в подробности взаимоотношения досоветских крестьян с властью, можно отметить, что по описаниям этнографов XIX в. складывается вполне благоприятная картина этих отношений. Отсутствует классовый антагонизм помещик – крестьянин. Например, С.В. Максимов описывал, что крестьяне часто развлекались на

праздниках (куда приходили и помещики), ставя миниспектакли и сценки, где объектом доброй иронии и юмора мог быть барин, барыня [3, с. 22–26]. В свидетельствах А.Н. Энгельгардта проглядывается снисходительная нотка отношения крестьян к начальству. Он писал, что крестьяне не всегда выполняли распоряжения начальства, поскольку оно далеко. Поэтому их не очень волновали указы и законы [4, с. 430]. Он сообщал о толерантном отношении мужиков к начальству с интересной оговоркой, что для начальства бабы в деревне язва. Мужики, в отличие от баб, гораздо более терпеливо переносят, и деспотизм хозяина, и деспотизм деревенского мира, и деспотизм волостного и затеи начальства. [4, с. 367]. Под деспотизмом понимаются распоряжения, указания и т. п.

Советская власть сформировала убеждение о заботности и покорности российского крестьянина, постоянных крестьянских бунтах и войнах. Любая книга советского периода, посвященная сельскому хозяйству, начиналась с информации о тяжелой участи крестьян и их подавлении помещиками-эксплуататорами. Таким образом, доказывалась необходимость прихода к власти большевиков. Смена власти обусловила социально-экономические, политические, социокультурные преобразования в стране на основе теории Маркса. Эти преобразования коснулись и села: отмена частной собственности, товарно-денежных отношений, диктатура пролетариата, классовая борьба и т. д.

Как приняли советскую власть крестьяне видно из донесений ОГПУ. Агенты доносили в 1925 г. высказывания крестьян на собраниях и личных беседах, в которых коммунистов называли кровопийцами, мошенниками, негодьями, буржуями, подлецами и т. п. [5, л. 48]. И уже тогда крестьяне полагали, что эта власть скоро падет. Крестьяне говорили, что к осени советской власти не будет так как они выруют столбы и будут вешать тех, кто стоит у власти [5, л. 46]. Судя по сводкам и личным письмам, люди были настроены решительно. Но соотношение сил: винтовки против вил и кольев было неравным. Из частного письма крестьянина видно, что после восстания крестьян против власти в село пригнали войско, начались жесткие репрессии [6, с. 3].

Итак, в 20-е гг. часть крестьян не считала советскую власть своей, пыталась сопротивляться. Гражданская война, думается, является показателем отсутствия толерантного отношения крестьян к власти. Возможно, коллективное хозяйствование было крестьянской мечтой и являлось социокультурной основой толерантного отношения крестьянского социума к власти? Как отнеслись кре-

стьяне к коллективизации показал опрос бывших колхозников СССР 1904–1930 г. р. [7]?

Все респонденты отметили насилие, диктатуру, грабеж как основу коллективизации. Очевидцы коллективизации рассказывали: “Для меня коллективизация вспоминается всеобщим хаосом и беспределом... массовый грабеж” [7, с. 284]. “Коллективизация в нашей семье связывается с каторгой, бесправием, подневольным трудом... От родителей я часто слышал проклятия властям за коллективизацию!” [7, с. 55]. “Но в колхозы вступали. Не хотели идти, а шли... Но их заставили наганом. Наган был в ходу! Не раз перед крестьянами махали пистолетом” [7, с. 176].

Коллективизация и раскулачивание для респондентов – это одна политика власти: “Коллективизация в нашей семье связывается с раскулачиванием, то есть репрессиями против крестьян” [7, с. 319]. Люди рассказывали, что отряд по раскулачиванию обычно состоял из 10–15 человек. У них имелось 3–5 винтовок, наган, подводы. Во время раскулачивания была одна правда. Правда была человека с оружием [7, с. 285–286] “...врагами народа называли, ссылали, а, бывало, и расстреливали. Это чтобы другим неповадно было колхозам сопротивляться” [7, с. 32]. Солидарные рассказы очевидцев свидетельствуют, что крестьяне социокультурно не принимали политику советской власти в деревне. Публицист П.Б. Струве считал, что крестьяне никогда не примут коммунизма, потому что он для них насильственное, враждебное, отвратительное начало [8, с. 162].

Результатом неприятия можно было бы ожидать сопротивление крестьянских масс. Возможно, толерантность нашего народа была ключевым социокультурным фактором принятия мероприятий советской власти в деревне? Сами респонденты признавали, что сопротивление властям было, но силы были не равны. В их рассказах видна динамика сопротивления от отчаянного сопротивления до “никто не сопротивлялся”. Сами респонденты объясняют это насилием, диктатурой, репрессиями, страхом. Обреченность проглядывается в рассказах людей, переживших коллективизацию. Главной причиной смирения они считают страх. “Со стороны крестьян были самые жесткие формы протеста... Со своей стороны власти присылали карательные отряды, расстреливали кулаков и подкулачников” [7, с. 182]. “Раскулачиванием занимались районная комиссия, НКВД, деревенское начальство. При раскулачивании люди сопротивлялись, впадали в отчаяние, боролись. Но что они могли сделать?!” [7, с. 295] “При раскулачивании люди испытывали чувство обреченности,

озлобленности из-за того, что ничего не могли предпринять. Боялись всего и всех. Страх – главная деталь того времени” [7, с. 295]. “На сходках крестьяне ругались с властью, но скоро это прекратилось. Того, кто выступал против коллективизации, забирали и отправляли в неизвестном направлении... Пришлось смириться. А куда денешься? Боялись и за себя, и за семью свою... Крестьяне действительно сначала пытались протестовать против раскулачивания” [7, с. 172]. “Крестьяне сначала бунтовали, а потом смирились” [7, с. 179]. “Все, кто сопротивлялся отрядчикам, были убиты или жестоко избиты... сопротивление было только в самом начале коллективизации. Очень скоро все поняли, что лучше отдать все, но сохранить свою жизнь... Страх сковал людей. Люди стали меньше говорить. Стали бояться за каждое сказанное слово. Страх – очень сильное чувство! Страх – это ощущение того, что ты можешь навсегда потерять своих близких. Страх был нам привит новой властью и жестким контролем каждого жителя деревни друг за другом. Страх – это неясность завтрашнего дня, боязнь, что ты все время делаешь что-то не то, и тебя за это накажут [7, с. 289].

Считая советскую власть чуждой крестьянству, и не рассчитывая на свои силы, часть крестьян надеялась на внешнюю силу. Тихая злоба и настроение реванша в словах крестьян сохранившихся в довоенных и военных донесениях агентов ОГПУ: “В случае войны всех коммунистов надо бить и резать” [5, л. 5]. “...защищать советскую власть. Спрашивается, за что ее защищать? За то, что она держала нас в кабале и за то, чтобы после войны продолжать такую же мучительную жизнь”. “Хорошо, что началась война. Помолчим до поры до времени, наши слезы отольются большевикам” [9, с. 141].

Крестьяне не принимали коллективизацию с ее сверхэксплуатацией, оплатой по трудодням, обобществлением хозяйства, насилием и жестокостью, ставкой на бедняков, которых традиционно в крестьянском сообществе почитали за пьяниц, лентяев, называли “голытьбой” за малым исключе-

нием (семья без кормильца, инвалидность и т. п.). Ставка на бедняка противоречила социокультурным традициям российского крестьянина.

Таким образом, принятие крестьянами советской власти связано, прежде всего, с насилием власти над обществом. Попытки крестьян противостоять действию властей жестко карались. Многовековая толерантность российского крестьянства культурологически объясняется невмешательством властей в социокультурную жизнь общества. Неприятие крестьянами советской власти обуславливается сменой социально-политической, экономической жизни деревенского социума. Основа толерантности была ликвидирована: социально-политическая, культурная самодостаточность общества. Через насилие и диктатуру власть заставляла крестьян отказаться от своих интересов, убеждений, навязывала чуждые социокультурные ценности, образ жизни, мировоззренческие установки.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. М., 1990.
2. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. М., 1993.
3. Максимов С.В. Куль хлеба / С.В. Максимов. Л., 1987.
4. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872–1887 / А.Н. Энгельгардт. М., 1987.
5. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 87. Д. 96.
6. Крестьянское слово. Орган Крестьянского объединения в Париже. Париж. Май 1930. Периодическое издание № 1.
7. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание: очевидцы и документы свидетельствуют / Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Кемерово, 2009.
8. Струве П.Б. Дневник политика: 1925–1935 / П.Б. Струве. М., 2004.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945 // отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1996.